

**И. И. ДМИТРИЕВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ИВАНА ДМИТРИЕВА
(1816–1819)**

А. А. Костин

В своем предисловии к 6-му изданию «Стихотворений» И. И. Дмитриева П. А. Вяземский замечал: «...биография чиновника не заключается иногда в одной сухой летописи о прохождении его из чина в чин, а биография поэта удовлетворяет любопытству не одних любителей поэзии, но и людей, требующих от стихотворца заслуг еще другого рода. Известие о жизни и сочинениях Ивана Ивановича Дмитриева может заслужить внимание читателей, к которому бы из упомянутых разрядов они ни принадлежали»¹. Эта характеристика Дмитриева – поэта и государственного деятеля – разделялась большинством современников и достаточно логично выростала из жизненного пути писателя, бывшего и сенатором, и обер-прокурором, и министром юстиции. Если эта блестящая карьера и затмевается вполне объяснимо памятью о Дмитриеве как писателе, все же она не может игнорироваться исследователями, хотя бы по той причине, что служебные перипетии составляют немаловажную часть «Взгляда на мою жизнь», и серьезное научное издание этого замечательного автобиографического сочинения не может пройти мимо комментирования и верификации оставленных Дмитриевым свидетельств.

Собственно, как развернутый комментарий к одному фрагменту 10-й части «Взгляда...» я и рассматриваю настоящую статью. Речь пойдет о последней службе Дмитриева, доставившей ему чин действительного тайного советника и орден Святого Владимира 1-й степени, – месте председателя

¹ *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1878. Т. 1. С. 114.

комиссии, официально в своих протоколах именовавшейся «Комиссией для разбора прошений, поданных в Москве на Высочайшее имя»; между тем в официальной переписке и в печатных извещениях, исходивших от нее, фигурировавшей почти исключительно как «Комиссия под председательством тайного советника² и кавалера Дмитриева». Поскольку оба названия мало что дают для понимания сути ее деятельности, нелишним будет здесь отметить, что изначально рассматривавшиеся Комиссией прошения составились в период пребывания Александра I в Москве летом 1816 года и касались только просьб о пособиях в связи с бедностью, наступившей от разорения в войне 1812 года³. Эта служба, занявшая почти три года в период с сентября 1816 по май 1819 года, по сути не привлекала внимание исследователей в отличие от значительно более выдающихся и по имени, и по заслугам служб в должностях министра и обер-прокурора Сената. Не в малой степени причина такого невнимания заключается, по-видимому, в том, что во «Взгляде...» Дмитриев сам характеризует эту службу как «легкую». В результате, все исследователи, вынужденные обращаться к сообщению о Дмитриеве – председателе Комиссии, – ограничиваются ссылкой на «Взгляд...». Следует отметить, что до недавнего времени не вполне прояснен был и порядок обращения к делопроизводству Комиссии. Дело в том, что титульным фондообразователем ее материалов в РГИА стала не сама Комиссия, а благотворительное общество «Сословие попечителей призрения разоренных», с 1813 года также занимавшееся выдачей пособий. Когда в 1817 году деятельность общества была прекращена, документы его, по-видимому, поступили в Комиссию под председательством И. И. Дмитриева, поскольку могли помочь в вопросе о выдаче или невыдаче пособия⁴.

² С февраля 1818 г. – «действительного тайного советника».

³ Во время пребывания Александра I в Москве в октябре 1817 – феврале 1818 года сложился еще один корпус прошений на высочайшее имя, к разбору которых Комиссия приступила 15 января 1818 года, именуясь с этого времени в протоколах «Комиссией разбора вновь поступивших в Москве на высочайшее имя прошений»; до 15 февраля 1818 года параллельно велись протоколы обеих комиссий. В число рассмотренных Комиссией на этом втором этапе прошений вошли и те, которые поступили на имя императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны.

⁴ В протоколах и переписке Комиссии Дмитриева документы о передаче материалов «Сословия...» отсутствуют. К сожалению, во время подготовки настоящей статьи мне не было доступно дело о закрытии «Сословия...», которое должно содержать сведения о передаче его материалов (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 7). Алфавит получавших пособие от общества был передан Дмитриеву уже в первый месяц работы Комиссии А. П. Тормасовым (там же. № 553. Л. 12) и активно использовался при решении вопроса о выдаче пособия (см. отказы в пособиях подполковнице Анне Щербатовой, получившей от «Сословия...» 5 тыс. рублей: там же.

Однако, поскольку материалы «Сословия...» хронологически предшествовали материалам Комиссии, весь этот комплекс в нарушение исторической и архивной логики оказался описанным под общим заголовком именно «Сословия...», а не Комиссии, и даже в описании фонда значилось, что последняя была образована в 1817 году как правопреемница «Сословия...»⁵. В путеводитель по ЦГИАЛ, изданный в 1956 году⁶, описание этого фонда, как и фондов большинства других благотворительных организаций, не попало; как следствие, узнать о существовании документов Комиссии можно было лишь обратившись к описи «Сословия...». Ситуацию исправил только 3-й том нового путеводителя по РГИА, вышедший в 2006 году, где подробно описаны фонды общественных организаций⁷.

Сам Дмитриев рассказывает о своей работе в Комиссии начиная так: «Протекали дни мои, незаметные, но спокойные до 1816 года. В половине оного Москва обрадована была прибытием императора <...> Мы скоро увидели в нем ангела-утешителя. Приказано было статс-секретарю Кикину принимать от всех на высочайшее имя прошения. Сверх того бедные и разоренные граждане среднего состояния, встречаясь с государем в ежедневных прогулках его по берегам Пресненских прудов и по другим частям города, обращались к нему сами с просьбами словесными и на бумаге, и ни один не отходил от него без утешения. Пред отъездом же Государя в Варшаву последовал на имя бывшего московского военного губернатора Торماسова высочайший рескрипт об учреждении Комиссии для пособия разоренным в Москве от пожара и неприятеля. Я имел счастье быть избран самим императором в председатели Комиссии»⁸.

Это место требует определенного уточнения. Называя комиссию учрежденной «для пособия разоренным в Москве от пожара и неприятеля», Дмитриев точно описывает суть ее работы, но невольно вносит некоторую историческую путаницу. Дело в том, что еще в 1813 году в пострадавших от нашествия французов губерниях были созданы комиссии для «вспоможения разоренным обывателям». В Москве такая комиссия действовала изначально под председательством Н. И. Головина, в 1816 году ею руково-

№ 184. Л. 102 и надворному советнику Николаю Булгакову, получившему от «Сословия...» 6 тыс. рублей: РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 69).

⁵ См. опись фонда 1309. Л. 2.

⁶ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде. Л., 1956.

⁷ Российский государственный исторический архив : путеводитель : в 4 т. СПб., 2006. Т. 3 : Фонды общественных и частных учреждений и организаций. С. 190.

⁸ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях. М., 1866. С. 241–242.

дил московский председатель дворянства В. Д. Арсеньев. Эти комиссии, рассматривая прошения разоренных, выдавали беспроцентные ссуды под залог или поручительство за счет средств государства. Следует отметить, что к 1816 году на эти цели казной были выделены огромные суммы: в 1818 году в специальной записке министр финансов Д. А. Гурьев отмечал, что только на прямые пособия разоренным в Московской, Калужской и Смоленской губерниях потрачено около 17 миллиона рублей⁹. При этом львиную долю этих расходов – 13,5 миллиона – составили как раз ссуды, выдававшиеся через московскую комиссию вспомоществования¹⁰. Я не располагаю сейчас точными данными, но из этих цифр следует заключить, что между ссудами, выдававшимися, с одной стороны, в Москве и, с другой, – в Калуге и Смоленске наблюдалась существенная диспропорция: примерно в 7-8 раз. И, судя по всему, дело было не только в числе подавших прошения, но и в том, какие суммы отпускались заявителям. Известно, что более половины ссуд, выдававшихся в Калуге, не превышали 200 рублей¹¹. Между тем минимальная ссуда в Москве составляла 500 рублей, ссуды в 3–5 тысяч были довольно обычны, а большие, в том числе и семизначные суммы, – неединичны. Когда в 1825 году в коронационном манифесте Николай I объявил о списании долгов по московским ссудам, не превышавшим 2000 рублей, то из общих 11 миллионов долга таких набралось только на один миллион¹². На мой взгляд, эти цифры имели решающее значение в вопросе о создании Комиссии под председательством Дмитриева и в характере ее работы.

Хорошо известно, что продолжительная масштабная война поставила финансы империи в угрожающее положение. В этой ситуации получение во время двухнедельного пребывания императора в Москве в 1816 году более 12 тысяч прошений (а в 1813-м, когда создавалась Комиссия вспомоществования, более чем за два месяца их было собрано немногим более 18 тысяч), в случае если бы порядок предоставления помощи остался прежним, это означало бы новые расходы, которые существенно отразились бы на бюджете страны. Характерно в связи с этим появление в

⁹ Соколов А. Р. Российская благотворительность : Исторические исследования. СПб, 2005. С. 60–61.

¹⁰ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии для рассмотрения прошений обывателей Московской столицы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятельского // Москва в 1812 году : материалы научной конференции, посвященной 180-летию Отечественной войны 1812 г. М., 1997. С. 45–51.

¹¹ Соколов А. Р. Российская благотворительность ... С. 62.

¹² Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 50–51.

переписке Карамзина и Дмитриева имени министра финансов Д. А. Гурьева и обсуждения ими проблемы государственных финансов вскоре после назначения Дмитриева председателем Комиссии: «Не удивляюсь, что ваши списки лежат под спудом до времени: если утверждать их, то надобно выдать денег, а мы не крезы. Медленность происходит, кажется, единственно от затруднения в выдаче больших сумм <...> Уверяют, что наши финансы скоро процветут, и через 4 года рубль бумажный обратится в серебряный. Аминь – буди, буди! <...> Желая тебе, любезнейший, старой неоцененной беспечности столько же, сколько самому себе»¹³.

Стоит сказать также, что к моменту создания Комиссии под председательством Дмитриева упомянутая комиссия вспомоществования была не единственным опытом государственной помощи пострадавшим в Москве. Поскольку для выдачи ссуды требовалось предоставление залога или поручительства на немалую сумму (минимальный размер ссуды, напомним, составлял 500 рублей), многие просители не могли ее получить, поскольку не могли представить залога¹⁴. Для решения этой проблемы московскому военному генерал-губернатору А. П. Торماسову в начале 1816 года было разрешено распределить среди таких просителей 500 тысяч рублей безвозмездно¹⁵. Таким образом, работа аппарата Торماسова по распределению пособий повторяла суть работы комиссии Дмитриева, также распределявшей пособия безвозмездно. Это сходство функций произвело, кстати, среди современников определенное замешательство: в первом письме после получения известия о новом назначении Дмитриева Карамзин писал ему: «Кажется, что Государь Москвою и Москва Государем довольны. К нам пишут, что он избрал тебя в председатели Комиссии для раздачи полумил-

¹³ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 207. Опасения Дмитриева о задержке выплат по назначенным пособиям были не напрасны: решение по пособиям, назначенным в октябре 1816 года, было дано императором только в конце апреля 1817 года (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 187. Л. 88 об.); решение об утверждении представлявшихся ежемесячно списков пособий Комиссии за июль – декабрь 1817 года было получено Дмитриевым только 28 июня 1818 года (там же. № 194. Л. 41–41 об.).

¹⁴ К концу 1815 года по этой причине из выделенных ей 16 миллионов Комиссия смогла выдать ссуды только на сумму немногим большую 4 миллионов. В подавляющем большинстве получателями стали дворяне (для просителей по Москве – 444 из 695 ссуд на сумму 1 860 950 рублей из всего 3 419 800 рублей: *Martin A. Down and Out in 1812: The Impact of the Napoleonic Invasion on Moscow's Middling Strata // Eighteenth-Century Russia : Society, Culture, Economy. Papers From the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, Wittenberg 2004. Münster; Berlin, 2007. P. 442).

¹⁵ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 49.

лиона бедным»¹⁶. В такой ошибке Карамзин не был одинок: за осень 1816 года в Комиссию Дмитриева поступило несколько прошений, где просьба была о предоставлении пособия из тех самых тормасовских 500 тысяч¹⁷.

Таким образом, Комиссии Дмитриева следовало заниматься теми же вопросами, которые до того выполнял аппарат Тормасова. Чтобы объяснить, зачем же в таком случае потребовалось создавать специальную комиссию, следует учесть одно обстоятельство. При учреждении безвозмездной раздачи 500 тысяч рублей предполагалось, что таким порядком выдаваться будут пособия не более чем на 500 рублей, однако в реальности выплаты зачастую превышали эту сумму, а порою и значительно¹⁸. Это отступление от буквы закона было, по-видимому, для Тормасова принципиальным. Так, несмотря на то, что в высочайшем рескрипте на его имя от 30 августа 1816 года, ставшем основным учредительным документом Комиссии Дмитриева, говорилось вполне определенно: «...на пособие имеют право единственно те из разоренных, кои истинно бедны и не воспользовались донныне никакою от правительства помощью»¹⁹, сообщая этот рескрипт Дмитриеву, Тормасов предлагал ему: «...я не премину доставить к вашему превосходительству алфавитный список тем лицам, которым по представлению моему, во уважение разорения и бедности их, высочайше повелено выдать назначенные от Комиссии вспоможения разоренным пособия без возврата из ассигнованных особо 500 т. р. – на тот конец, дабы Комиссия, имея оный список в виду, могла назначить кому-либо из числа поименованных в нем лиц пособие вдвойне»²⁰.

Полагаю, в вопросе о создании Комиссии под председательством Дмитриева сыграл ключевую роль именно этот финансовый и административный фактор. Александру I требовалось, чтобы новое заведение не стало

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 195.

¹⁷ См. прошения «живущей в городе Можайске вдовы дяконницы Прасковьи Грузовой» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 73–73 об.) и написанные по единой форме прошения родовитых тихвинских дворян: «майорши Надежды Васильевны Раевской» и «подполковника князя Василия Павловича Щербатова» (там же. № 553. Л. 21–24). Последние просили о «вспоможении», значительно превосходящем пособия, выдававшиеся Комиссией: Раевская – о 26 501 рубле; Щербатов – о 49 171 рубле.

¹⁸ Как показывает А. Мартин, из этих денег пособия дворянам выделялись на суммы от 100 до 5000 рублей (в среднем – 1000 рублей), просителям других сословий – от 100 до 1000 рублей (в среднем – 500 рублей: *Martin A. Down and Out in 1812 ... P. 443*).

¹⁹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 3б.

²⁰ Там же. Л. 1а. Алфавит этот был сообщен Комиссии 2 сентября 1816 года (там же. Л. 4). Впоследствии Комиссия отказывала в выдаче пособий всем лицам, получавшим вспомоществование из тормасовских 500 тысяч.

способом бесконтрольной раздачи и без того состоятельным людям значительных сумм, а служило своей основной цели: поддержать действительно впавших в бедность. Для строгого исполнения этого положения требовался человек, который смог бы и благосклонно относиться к терпящим нужду, и безоговорочно отказывать не подходящим под жесткие правила выдачи пособий²¹, наконец человек, отказ которого воспринимался бы просителями как непререкаемое решение. Таким человеком с полным основанием был избран Дмитриев.

Не буду останавливаться специально на той части воспоминаний о работе в Комиссии, которая касается выбора ее состава: во-первых, сам Дмитриев достаточно красноречив в изложении своего разговора с А. А. Араксеевым, во-вторых, доступные мне документы пока что не позволяют верифицировать обстоятельство этого разговора. Сам состав комиссии и обстоятельства исключения из ее состава С. С. Кушников изложены Дмитриевым совершенно верно. Стоит только отметить одно обстоятельство: во «Взгляде...» Дмитриев специально замечает, что ему было предложено самостоятельно избрать правителя канцелярии Комиссии. Место это занял бывший в то время чиновником особых поручений при Тормасове Н. И. Ильин²², известный драматург начала века, что свидетельствует об определенных личных отношениях Дмитриева и Ильина, до сих пор, кажется, не отмеченных.

Значительно более важным мне представляется описание Дмитриевым непосредственной работы Комиссии. Приведу его в сокращении: «В рескрипте <...> предписывалось Комиссии помогать только тем разоренным,

²¹ Известно, что с просьбами о благосклонном рассмотрении просьб своих родственников и знакомых к Дмитриеву обращались по меньшей мере двое человек, с которыми он состоял в приятельских отношениях: Н. М. Карамзин просил за «бедную старушку <...> секретаршу Аграфену Алексеевну Шарапову» (*Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву* ... С. 197), а В. В. Измайлов – за родственницу, имя которой остается неизвестным. Ответ, данный Дмитриевым Измайлову, показателен: «Я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководство комиссии. В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам» (*Дмитриев И. И. [Письма] / Публ. В. Э. Вацура // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 418*). Сквозной просмотр протоколов Комиссии показывает, что и дело А. А. Шараповой не рассматривалось особым порядком.

²² О Н. И. Ильине см.: *Рогов К. Ю. Ильин Н. И. // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 413–414*. Ильин приступил к работе в Комиссии 6 сентября 1816 года (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 1в об.) и покинул ее, судя по всему, после составления отчета о первом этапе ее работы: 25 февраля 1818 года Дмитриев предписал его заместителю (впоследствии – «исправляющему должность правителя канцелярии») Звереву принять у Ильина дела; передача дел завершилась в мае (там же. № 193. Л. 47 об. – 50 об.).

которые не получают жалованья и нуждаются в пропитании себя и семейства. Вследствие сего Комиссия поставила себе в обязанность и непрременное правило наведываться о просителе чрез полицию и назначать в единовременное пособие, соответственно званию и состоянию каждого, не свыше осьми сот и не менее двадцати пяти рублей»²³.

При всей краткости свидетельство это удивительно точно описывает суть работы Комиссии и, что важнее, отмечает основное ее отличие от других учреждений, выдававших пособия пострадавшим в Москве. Основным пунктом в рескрипте Александра I Тормасову был следующий: «...имея в виду, что на пособие имеют право единственно те из разоренных, кои истинно бедны и не воспользовались донныне никакою от Правительства помощью, Комиссия отказывает всем тем, кто получил уже пособие из комиссии вспоможения разоренным, или кому оно назначается из известных вам пятисот тысяч рублей, равно и тем, кои хотя потерпели при общем нещастии и не получили пособия, но имеют состояние для поддержания себя и семейств своих»²⁴. Таким образом, для выдачи пособия Комиссия должна была удостовериться в том, что проситель: а) действительно потерпел разорение; б) не имел достаточных средств для поддержания себя и своего семейства; в) не получал другого пособия. Уже два последних пункта заметно отличали работу Комиссии Дмитриева от работы Комиссии вспомоществования, созданной в 1813 году. Следует сказать, что степень обеспеченности просителя мало беспокоила последнюю – более того, как было сказано выше, для получения пособия требовалось представить немалый залог. Что же касается запрашивавшихся ею свидетельств о полученном разорении, то в отношении движимого имущества она из-за невозможности проверки безоговорочно доверяла просителям; в отношении же недвижимого имущества требовала справку самого общего характера от высших властей того места, где проживал проситель: в Москве – от обер-полицмейстера, в Московской губернии – от уездного предводителя дворянства; в других местах – от городничих²⁵. Дмитриев поставил работу своей комиссии совсем иначе. Для принятия прошения к рассмотрению Комиссия должна была получить свидетельство от полицейского низшего звена, частного пристава, непосредственно знакомого с местом, где проживал проситель. Помимо этого, такое свидетельство должны были подтвердить приходской священник, хозяин дома, где проживал проситель, а также

²³ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 242.

²⁴ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 3б.

²⁵ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 46–47.

для дворян – два свидетеля-чиновника; для купцов, цеховых, мещан и разночинцев – «сверх того головы от их общества, смотря по званию просителя»²⁶. Несмотря на кажущуюся сложность подобной формы, она оказалась малообременительной для просителей: с одной стороны, обязанность за составление свидетельства возлагалась целиком на полицейских²⁷, с другой стороны, в случае неполучения тех или иных подписей или других формальных нарушений Комиссия никогда не отказывалась принять прошение к рассмотрению, но неоднократно заставляла полицейское ведомство исправлять недочеты²⁸. Такая форма запроса свидетельств оказалась достаточно действенной: уже на этой стадии многие просители отказывались от помощи, ссылаясь на то, что состояние их переменилось; многие же, по видимому, просто отказывались представлять свидетельства: из 12 тысяч прошений, поступивших в августе 1816 года, комиссия не получила свидетельств на полторы тысячи; почти столько же отказников оказалось и в случае со второй партией из 9 тысяч прошений, поступивших в конце 1817 года, то есть здесь их процент оказался еще выше. Именно переписка о получении свидетельств составила основной документооборот Комиссии. Такой тщательностью их подготовки объясняется и продолжительность работы Комиссии Дмитриева. Если в 1813 году московская Комиссия вспомоществования рассмотрела 18 тысяч прошений чуть больше чем за два месяца²⁹, то Комиссии Дмитриева потребовалось на это два с половиной года (следует, впрочем, сказать, что в 1813 году Комиссия вспомоществования заседала ежедневно с 9 утра до 8 вечера, за исключением табельных дней; комиссия же Дмитриева даже в самые напряженные этапы работы заседала не более четырех дней в неделю и только по несколько

²⁶ См. предложенный Дмитриевым 11 сентября 1816 года проект положения о подобном запросе: РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 184. Л. 10 об. – 11 об.

²⁷ О масштабе работы по сбору свидетельств в Москве говорит письмо Тормасова Дмитриеву от 25 июня 1817 года, написанное в связи с необходимостью получения более двух тысяч свидетельств: «Я предписал объявить от полиции особыми печатаемыми объявлениями по всем домам, дабы просители, не представившие о себе по сие время надлежащих свидетельств, поспешили представлять оные в те части города, в которых кто из них жительство имеет, и что если за сим объявлением до 15 августа кто свидетельства не представит, то почтен будя за нежелающего получить от шедрот Монарших испрашиваемого прежде пособия, или за не имущего уже нужды в оном. Сей способ объявления я предпочел припечатанию в газетах; ибо газеты, вероятно, немногие из просителей Комиссии читают» (там же. № 553. Л. 131–131 об.).

²⁸ Единственной формальной причиной, неизменно приводившей к отказу в пособии, служило обращение просителя не к монаршей особе, а непосредственно к И. И. Дмитриеву.

²⁹ Болдина Е. Г. О деятельности Комиссии ... С. 46.

часов – именно это обстоятельство, по-видимому, имел в виду Дмитриев, характеризуя эту службу как «легкую»).

Что касается непосредственного рассмотрения прошений, то здесь в полной мере сказались финансовые соображения, о которых я говорил выше. Несмотря на то, что Дмитриев указывает максимальную сумму пособия 800 рублей, сквозной просмотр протоколов за первые полгода работы комиссии, когда было рассмотрено более 4 тысяч прошений³⁰, а также сохранившихся алфавитов (они доходят только до литеры «Г») подобных пособий выявить не позволил; встретившиеся мне максимальные суммы составляли 600 рублей, из более чем 4 тысяч прошений их было всего три, и все они были назначены вдовам чиновников 7–8 классов³¹. Размеры пособия, в полном соответствии с указанием Дмитриева, носили сословный характер. Так, если взглянуть на отчет Комиссии за второй этап ее работы³², когда размеры пособий несколько снизились (представленный в феврале 1818 года первый отчет, касавшийся рассмотрения прошений, поданных Александру I в августе 1816 года, к сожалению, не сохранился), можно увидеть, что средний размер выплат чиновникам составлял 136 рублей (77 245 рублей 568 лицам), купцам – 67 рублей (3410 рублей 51 лицу), духовным лицам – 61 рубль (11 385 рублей по 185 прошениям³³), мещанам и

³⁰ Протокольные ведомости о пособиях велись не в виде таблицы, а записью в строку; в протоколах первых шести месяцев присуждавшиеся суммы выделялись подчеркиванием, позже подобное выделение пропадает, что делает выявление индивидуальных сумм пособий при сквозном просмотре крайне трудным.

³¹ Впоследствии сумма в 600 рублей осознавалась, по-видимому, комиссией как верхняя планка пособия. Так, 30 октября 1817 года было принято решение по особому делу княгини Екатерины Голицыной, инициированному Тормасовым. В прошении сообщалось, что «княгиня Екатерина Голицына, при 70летней старости лишась зрения и будучи на смертном одре, оставленная родными находится без всякого пособия» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 544. Л. 2–2 об.; письмо П. А. Кикина от 5 октября 1817 года). Решением Комиссии Голицыной было назначено 600 рублей (там же. № 190. Л. 34 об.). На том же заседании было рассмотрено еще 3 особых прошения, но всем другим пособия были назначены меньшие: 100, 200 и 300 рублей.

³² Там же. № 192. Л. 33 об. – 35.

³³ Незначительное число просителей из духовенства объясняется тем, что многим священникам, материально пострадавшим в войне 1812 года, помощь оказывала непосредственно церковная администрация. Так, когда в октябре 1816 года Дмитриев запросил у архиепископа Дмитровского Августина алфавит духовных лиц, получивших после войны пособие от духовного начальства, тот отвечал, что «требуемого списка доставить невозможно, потому что количество духовных, получивших пособие, очень значительно, и в переписке оных ведомостей последует продолжительная медленность. Как я предполагаю, что не многие из духовных подали прошения на Высочайшее имя, то посему не угодно ли будет Вашему высокопревос-

цевовым – 50 рублей (108 100 рублей по 2146 прошениям; эта же сумма составила средний размер пособий в целом), разночинцам – 33 рубля (84 090 рублей 2558 лицам)³⁴. Крепостным крестьянам Комиссия отказывала в рассмотрении прошений как «не подходящим к назначению пособия от монарших щедрот». В целом, можно сказать, что размер назначаемого пособия примерно соответствовал годовому доходу или жалованию соответственно с сословным положением просителя; в случае особой бедности или большой семьи просителя (эта причина для назначения увеличенного пособия называется чаще всего) сумма могла быть увеличена. Что касается нижней границы пособия, то на протяжении долгого времени она составляла 30 рублей (такое пособие назначалось чаще всего солдаткам), ближе к концу работы Комиссии эта сумма снизилась до 15 рублей, причем иногда назначались пособия и в 10, и даже в 5 рублей³⁵.

Все эти сведения устанавливаются только при сквозном просмотре протоколов и алфавитов; в протоколах, несмотря на указание Дмитриева, никаких сведений о том, что Комиссия «поставила себе в правило» назначать пособия в каких-то пределах, нет. Единственная подобная норма носила сословный характер и оказалась связана с эпизодом, который Дмитриев в воспоминаниях описывает так: «...укоренившийся между нами обычай втираться к случайным и для услуги своим знакомцам располагать царскою казною гораздо чивее³⁶, нежели собственным добром, заводил иногда между мною и членами споры и легкие друг на друга неудовольствия. Не знаю, от них ли это вышло или от другой причины, но граф Аракчеев стал ко мне приметным образом холоднее; даже и в обращении со мною Государя видел я несколько дней большую перемену»³⁷. Прояснить этот фрагмент из

ходительству для скорейшего разрешения и удовлетворения доставить ко мне именной реестр тех духовных, которые подали прошения» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 553. Л. 34–34 об.).

³⁴ Всего же за все время работы Комиссии после рассмотрения 19 643 прошений из 20 959 поступивших ею было назначено 15 335 пособий на общую сумму 1 391 280 рублей (там же. № 192. Л. 35). Во «Взгляде...» Дмитриев ошибочно указывает число выданных пособий как 15 330.

³⁵ Обращает внимание значительное различие в сословном характере пособий, выделявшихся Комиссией вспоможения 1813 года и Комиссией Дмитриева: если более 80 % пособий последней предназначались мещанам, цеховым и разночинцам, то более половины пособий первой были получены купцами; на втором месте шли дворяне; на третьем, со значительным отрывом (менее 20 %), – мещане и разночинцы (*Martin A. Down and Out in 1812 ... P. 444*).

³⁶ Так в автографе Дмитриева (ИРЛИ. 14 871 (5). Л. 71), писарской копии (ИРЛИ. 14 781 (4). Л. 38) и издании 1866 года. «Чивый» у В. И. Даля – «щедрый, тороватый». В издании: *Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986, – ошибочно «живее» (с. 365).*

³⁷ *Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 243.*

«Взгляда...» можно, сопоставив письмо Карамзина Дмитриеву от 25 декабря 1816 года и протоколы Комиссии. Карамзин писал: «Я уверен, что ни Капитан, ни Архимандрит (то есть назначенные Аракчеевым члены Комиссии А. И. Бахметев и архимандрит Симонова монастыря Герасим. – А. К.) не могут повредить тебе в мыслях Государя. Он знает, что ты принял на себя эту должность единственно в угодность Ему; знает и уважает тебя <...> Ставя себя на твоём месте, я поступил бы так: следовал бы точно данным Комитету правилам, совести, рассудку, не уважая ничего более; а если бы встретилось мне какое существенное неудовольствие, то написал бы прямо к Государю или к графу Аракчееву, взял бы свое и откланялся Комитету. Ты умел быть всегда твердым и гордым от душевного благородства»³⁸. Мотив неудовольствия Аракчеева и Государя и проявляемой Дмитриевым твердости явно соотносятся с приведенным отрывком из «Взгляда...» – таким образом, мы получаем указание на примерное время конфликта: некое решение, принятое в Комиссии, видимо, дошло до Петербурга, где о нем составилось определенное мнение, оно вернулось в Москву, после чего Дмитриев написал о своих волнениях Карамзину. Это заставляет искать объяснение конфликта в протоколах Комиссии начала декабря 1816 года. Действительно, в ноябре 1816 года в Комиссию от Аракчеева, П. А. Кикина и А. П. Торماسова поступило три прошения с просьбой рассмотреть их особым порядком «по воле Его Императорского величества». Просили коллежская асессорша Лихарева³⁹, титулярный советник Федор Соловьев⁴⁰ и генерал-майорша, жена начальника московского Арсенала, Пичугина⁴¹. И если пришедшее от Кикина прошение Лихаревой в полной мере соответствовало положениям Комиссии (пособие ей было назначено 7 декабря)⁴², то поступившее от Аракчеева прошение Пичугиной явно из принципов ее работы выбивалось: 28 ноября по нему было принято такое решение: «Что ж касается до прошения г<оспо>жи генерал-майорши Пичугиной, коей муж получает жалование 900 р. и коей назначено от Комиссии вспоможения 4 т. р., то хотя <...> предположила отказывать получающим жалованье или пансион свыше 350 р., но приняв во уважение большое семейство ея, состоящее в 15 особах, и что прошение ее поступило в Комиссию по особенной воле Его императорского величества, то предоставить

³⁸ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 201–202.

³⁹ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 33.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Там же. Л. 33.

⁴² Там же. Л. 68.

его превосходительству г. председателю Комиссии сделать о ней особенное представление Государю императору с изъяснением положения ея»⁴³. В такой же формулировке 7 декабря было принято решение и относительно Федора Соловьева (ему не было ранее назначено пособие, но он получал жалование в 350 рублей и имел «обширное семейство») ⁴⁴. Следует сказать, что до того никаких указаний на то, что 350 рублей были минимальной суммой для отказа в прощении, нет; в записи о Пичугиной сумма «350» вписана вместо зачеркнутых «300». Норма эта, по-видимому, была выдумана на ходу, чтобы оправдать отказ в прямом назначении пособия Пичугиной и направить просьбу назад Аракчееву. Между тем ситуация эта привела к тому, что 9 ноября Комиссией было решено пересмотреть просьбы всех чиновников, получавших жалование менее 350 рублей, чтобы назначить им пособие⁴⁵. Полагаю, что решение о частичном удовлетворении просьб Соловьева и особенно Пичугиной в обход существовавших правил было принято по настоянию Бахметева и Герасима; решение о применении соответствующей нормы ко всем прочим просителям могло стать в таком случае ответом Дмитриева. Судя по всему, результатом этого обсуждения стало письмо Аракчееву Бахметева и Герасима, сообщавших, что «в обсуждении высочайшего повеления» о рассмотрении прошения Дмитриев осмелился ослушаться и придерживаться утвержденных норм. О том, как Дмитриеву удалось оправдаться перед императором, сказать сложно: встреча их произошла только между 6 и 15 октября 1817 года во время очередного приезда Александра I в Москву. До тех пор (более 10 месяцев!) решение по делам и Пичугиной, и Соловьева принято не было. 6 октября Дмитриев заседал в Комиссии единолично (несмотря на разосланные повестки, ни один из членов не явился)⁴⁶ и в этот день принял решение отобрать несколько прошений от лиц, находившихся в явной бедности, но не

⁴³ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 185. Л. 54 об. – 55.

⁴⁴ Там же. Л. 68–68 об.

⁴⁵ Там же. Л. 74 об. Насколько можно судить по материалам Комиссии, подобной границей годового дохода, превышение которой влекло отказ в выдаче пособия, служила для нечиновных просителей сумма в 100–120 рублей; с июля 1817 года Комиссия начала отказывать чиновникам 9 класса и ниже, получавшим в год более 200 рублей (и в редких случаях чиновникам 8 класса, получавшим более 300 рублей); для нечиновных просителей сумма при этом понизилась, судя по всему, до 60 рублей; в августе 1817 года комиссия начала отказывать унтер-офицерам и солдаткам, мужья которых получали более 36 и 12 рублей в год соответственно (там же. № 185. Л. 92 об.; № 186. Л. 63, 66, 71, 74 об., 78, 90, 106; № 187. Л. 25 об., 44 об., 62 об.; № 189. Л. 3 об., 8 об., 13, 33, 36 об., 46, 52, 63 об., 79; № 190. Л. 5, 17).

⁴⁶ Там же. № 190. Л. 25 об.

потерпевших разорения во время войны⁴⁷. Как свидетельствует протокол следующего заседания (15 октября), вопрос именно о них стал ключевым в состоявшемся за эти девять дней разговоре Дмитриева с императором. Дмитриеву было разрешено назначать от Комиссии пособия не только разоренным, но и просто бедным, хотя и в меньшем размере, «не смешивая их с прежде вступившими»⁴⁸. Наконец, 3 ноября Дмитриев получил от Торماسова письмо, где сообщалось, что на пособие Пичугиной Тормасову выделено 4 тысячи рублей, а для Соловьева пособие в 500 рублей передается Дмитриеву⁴⁹. Именно этот эпизод с десятимесячной задержкой в принятии решения имеет, по-видимому, в виду Дмитриев, говоря во «Взгляде...», что «в обращении со мною государя видел я несколько дней большую перемену».

После этой встречи отношение Александра I к Дмитриеву явно меняется. Из комиссии о разоренных во время войны комиссия Дмитриева становится по сути комиссией о бедных людях в Москве. В 1818 году ей была поручена оценка «меры убытка, понесенного обывателями Рагожской части от бывшего в оной пожара бго числа июня»⁵⁰. П. А. Вяземский, получив в

⁴⁷ «Под № 3. Отставному вахмистру Осипа Новицкого, 11. Мещ. Натальи Ериной, 16. Доч. кол. регистр. Александры Бавовой, 66. вд. подпоруч. Екатерины Осининой и под № 100м умершей после подачи прошения жены Синодального певчего Дарьи Комаровой, после коей остался муж с двумя малолетними дочерьми, вносить вновь в доклад» (там же. Л. 21). Напротив этой записи в журнале помета рукой Дмитриева: «в первом присутствии». Как показывает дальнейшее рассмотрение дел указанных просителей, все они находились в бедности, не потерпев при этом разорения во время войны (там же. Л. 28–28 об., 32). Всем им было назначено пособие, причем «что же касается до состоящей под № 53 вдовы подпоручицы Осининой, не потерпевшей разорения от неприятеля, то в уважение ея бедности по особенной воле Его императорского величества назначается ей сто руб. и имя ее внести в особенный список того же роду просителей» (там же. Л. 25 об. – 26).

⁴⁸ Там же. № 190. Л. 22–22 об.

⁴⁹ Там же. Л. 36–36 об. Тот факт, что деньги для пособия Пичугиной были переданы не Дмитриеву, а Тормасову, свидетельствует, по-видимому, о том, что это пособие было выделено помимо воли председателя Комиссии.

⁵⁰ На пути в Петербург 6 июня 1818 года Александр I стал свидетелем пожара в Рагожской заставе, причем от местных ямщиков ему было подано прошение о возмещении ущерба. Как оказалось, почти все пострадавшие ямщики ранее уже получали пособие от Комиссии вспоможения на общую сумму в 26 400 рублей, причем на строительство сгоревших домов, сдававшихся в наем, от «наемщиков» был также получен задаток на сумму 13 697 рублей «с тем условием, что в случае пожара наемщики не вправе обратно их требовать, хотя бы и не жили». Именно «наемщики» потеряли наибольший убыток, поскольку, помимо жилья у них сгорело имущество по меньшей мере на 33 397 рублей. Поэтому комиссией было решено, что «достаточным для них (ямщиков. – А. К.) пособием будет, если Его императорскому величеству благоугодно будет всемилоостивейшее распространить срок уплаты выданной им из Комиссии вспоможения суммы еще на три года» (там же. № 194. Л. 68–69 об.) и вместе с тем обра-

1819 году известие о даровании Дмитриеву ордена, характеризовал его как «la grande aumônière de Moscou»⁵¹ – «большим кошельком Москвы». Дмитриев неоднократно делает императору доклады об особо нуждающихся и каждый раз получает благосклонное согласие, что и отразилось во «Взгляде...»: «В случаях <...> требовавших отступления от <...> правила, как то по уважению многочисленного семейства просителя или крайней бедности <...> вносил чрез графа Аракчеева записку с назначением большего пособия на высочайшее рассмотрение, и тогда государь изволил присылать <...> испрашиваемую сумму, часто же и превышаемую, на счет собственных своих расходов, для отдачи просителю»⁵². Три таких прошения особо отмечены в окончательном отчете Комиссии от 19 мая 1819 года⁵³.

5 февраля 1818 года⁵⁴ Комиссия утвердила отчет о первом этапе своей работы (по разбору прошений, поступивших на имя Александра I в августе 1816 года). Говоря во «Взгляде...» о том, что Комиссия «представила 8 февраля подробный отчет», Дмитриев имеет в виду, по-видимому, свой личный визит к Аракчеву, когда «в то же время подано было от меня императору чрез камердинера его письмо, в котором <...> я просил его <...>

тить особое внимание на потери «наемщиков». Такое решение действительно было утверждено Александром I в сентябре 1818 года, причем на раздачу «наемщикам» выделена четверть от суммы оценки ущерба – 8349 рублей 25 копеек (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 195. Л. 51–54 об.).

⁵¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 262.

⁵² Дмитриев И. И. Взгляд... С. 242–243.

⁵³ «По особому представлению удостоились получить прямо от Государя императора две тысячи восемьсот рублей, присланные к г<осподи>ну председателю Комиссии чрез гг. генерала от артиллерии графа Аракчеева и министра финансов по трем прошениям, а именно: поручица Швабен 500 р., генерал-майорша Свечина (вдова М. М. Свечина. – А. К.) 2000 р. и чиновник 12го класса Фольц 300 р.» (РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 192. Л. 34 об. – 35). Показателен случай со служившим в Комиссии о строениях Ф. Фольцем, о котором 5 мая 1817 года Комиссией было решено: «...что же касается до прошения под № 94 чиновника 12го класса Федора Фольца, получающего 750 руб. жалованья, то хотя на основании Высочайшего указа от 30го августа прошлого 1816 года, чтоб имеющим состояние для поддержания себя и семейств своих, комиссия и предположила тем, кои получают жалованье или пансион свыше трехсот пятидесяти рублей, отказывать, но приняв во уважение большое семейство сего Фольца, состоящее из 13ти малолетних детей, [и притом с недавнего времени вступил оный в службу. – на полях рукой Дмитриева (А. К.)], сделать о нем особенное представление Его императорскому величеству чрез московского господина военного генерал-губернатора, что и предоставить его превосходительству г<осподи>ну председателю Комиссии» (там же. № 188. Л. 16–16 об.); в июне 1817 года в этом обращении Дмитриеву было отказано (там же. Л. 55 об.). Однако 28 сентября 1818 года Комиссия поручила Дмитриеву, на этот раз без объяснения причин, вновь обратиться к императору с особой запиской о назначении Фольцу 300 рублей (там же. № 195. Л. 51–51 об.). Это прошение и было удовлетворено в феврале 1819 года (там же. № 192. Л. 12 об.).

⁵⁴ Там же. № 191. Л. 23 об. – 25.

об увольнении меня от разбора вновь поступивших прошений»⁵⁵. О том, что прошение действительно было подано, можно судить по тому, что на следующем после этого заседании, 15 февраля, накануне утверждения отчета и присуждения чина действительного тайного советника единственный раз за все три года работы Комиссии Дмитриев не явился на заседание⁵⁶. Столь благосклонная оценка явно польстила ему, и он решил закончить работу.

Подводя итог, следует сказать, что почести, оказанные Дмитриеву как председателю Комиссии, не были случайны. Он действительно исполнил эту должность как подлинно государственную задачу большого общественного значения: с одной стороны, стал, по меткому выражению Вяземского, «орудием высочайшей милости», с другой, – принципиальностью своей работы завершил по сути период бездумного расходования средств на оказание прямой материальной помощи пострадавшим в войне 1812 года: выдававшихся Комиссией средств хватало на поддержание семьи в течение полугода-года, но далее проситель должен был стараться самостоятельно устроить свою жизнь⁵⁷. Не зря самым частотным поводом для отказа в пособии служил молодой возраст просителя и, следовательно, способность вступить в службу, если это был юноша, либо в брак, если это была девушка или молодая вдова. Думается, что во многом именно опыт работы комиссии Дмитриева мог повлиять на упомянутую составленную в 1818 году записку министра финансов Гурьева о необходимости отказаться от системы предоставления ссуд пострадавшим в войне.

Закончить статью мне хочется литературным выходом описанной истории. В «Известии о жизни и стихотворениях Дмитриева» Вяземского наблюдается любопытная параллель: если рассказ о жизни государственного деятеля заканчивается указанием на то, что Дмитриев «удостоился быть избран орудием Высочайшей милости, оказанной пострадавшим жителям столицы от разорения в 1812 году»⁵⁸, то рассуждение о поэте и вся статья завершается следующим пассажем: «...писатель всегда бывает благотворителем сограждан, вожатым мнения общественного и союзником бескорыстным мудрого правителя»⁵⁹. Любопытно отметить, что этот мотив под-

⁵⁵ Дмитриев И. И. Взгляд ... С. 243–244.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. № 191. Л. 29.

⁵⁷ Такая позиция вполне соотносится с взглядами Дмитриева на благотворительность и оплату труда низших слоев населения, отраженными в воспоминаниях А. А. Иовского (см. в настоящем сборнике публикацию С. И. Панова, с. 191–193).

⁵⁸ Вяземский П. А. Полное собрание сочинений ... С. 118–119.

⁵⁹ Там же. С. 153.

линного благодеяния был определяющим для писем Вяземского Дмитриеву периода работы последнего в Комиссии: «Не подавайте нищему, а пишите изредка ко мне. Ваше письмо было для меня истинным благодеянием»⁶⁰. Истинная благотворительность, благотворительность от души к душе, оказываемая писателем (здесь – молодому писателю) в противовес благотворительности мирской, определяет и отзыв Вяземского в письме А. И. Тургеневу, когда он узнал о последнем награждении Дмитриева: «Мне скорее хотелось бы, чтобы дали ему Владимира за басню, чем за то, что он сидит с Малиновским над Ильиным»⁶¹. Думается поэтому, что слова об истинной благотворительности в конце «Известия о Дмитриеве» не случайны: многие темы из поднятых в статье, в том числе важнейшие для ее содержания, – и духовное ученичество Дмитриева у Ф. И. Козлятева, и предпочтение в паре чиновник/поэт поэта, – оказались, по-видимому, продуманы Вяземским еще в то время, когда редким счастьем для него было, находясь в Варшаве, вести переписку со своим старшим другом.

⁶⁰ Русский архив. 1866. № 11–12. Ст. 1691.

⁶¹ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 262.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010